

АББАДДОННА.

СОЧИНЕНИЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

—•••—

Toutes les pages de la vie humaine sont dignes d'être lues. Le sage nous instruit, le gai nous amuse, l'imprudent nous enseigne ce qu'il faut éviter, l'absurde nous guérit du spleen.

Каждая из страниц человеческой жизни достойна быть прочитанною. Умная научает нас; веселая забавляет; безразсудная изясняетъ намъ, чего надобно избѣгать; нелѣпая вылечиваетъ насъ отъ сплина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—•••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Июня 9 дня 1839 года.**

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРГА,

АББАДОННА.



ЧАСТЬ II

.. He that plays the king, shall be welcome; his majesty shall have tribute of me: the adventurous knight shall use his foil, and target, the lover shall not sigh gratis; the humorous man shall end his part in peace; the clown shall make those laugh, whose lungs are tickled o'th'sere; and the lady shall say her mind freely, or the blank verse shall halt for't. — What players are they?...

Hamlet, Act. II, scene 2.



... Игроющий роли Королевскія — добро пожаловать; вотось принять Его Милость; и странствующий рыцарь найдётъ работу своему копью, своему мечу; любовники будутъ вздыхать не даромъ; весельяку — свобода доиграть ролью свою до конца; шутъ слыши, а любовница выскизывай всю свою душу — сколько позволять эти нелѣпые стихи. — Да, что это за актеры?

(Гамлетъ) Шекспиръ.

ДВАДЦАТА.

ГЛАВА I

Новая квартира Вильгельма была такая веселая, такая милая; окна изъ его комнаты открывались въ цвѣтникъ; все было вокруг него такъ чисто, опрятно, свѣтло, уютно. Маленькая гостинная, маленькій кабинетъ съ каминномъ, диванъ, кресла, зеркало — игрушки! Но не уже ли только дѣти любятъ игрушки?

Что же? Какъ онъ грустенъ, бѣдный Вильгельмъ! Долго вечеромъ сидѣлъ онъ, облокотясь на окошко и безъ мыслей глядя въ цвѣтникъ; безпроектъ послѣ того былъ сонъ его; рано проснулся онъ. — Осенняя, туманная погода стояла на дворѣ.

Какъ странно — думалъ Вильгельмъ —

однѣ ли разъ бывало на моемъ бѣдномъ чердакѣ, что я возвращался домой промокнувшій до костей, не зная есть ли у меня крейцеръ въ карманѣ на завтрашній день, и — я бывалъ счастливъ и доволенъ, потому что возвращался *отъ Генріэтты*, просидѣвъ съ нею вечеръ! И въ чемъ проходить этотъ вечеръ? Иногда не удавалось мнѣ сказать съ нею ни одного слова; но она *была тутъ*, взглядывала на меня, когда я говорилъ съ ея матерью, и мать ничего не понимала изъ моихъ словъ, но все понимала она, тогда *моя* Генріэтта. Какъ свѣтѣлась тогда передо мною *моя* будущность, какою яркою зарею радости горѣлъ тогда востокъ моей жизни! — Правда, никогда не бывалъ я счастливъ вполне: тучи грустныхъ помышлений облекали собою зарю мою; сущность моя была такъ бѣдна. Но солнцемъ сіяло тогда передо мною *одно*, и въ этомъ *одномъ* были все блага земли и неба: Генріэтта *твоя*! Ищи славы для любви, вѣрь! Люби для славы. Любовь! она исчезла дымомъ, едва вихрь извѣстности началъ расправлять мои крылья. А слава? Не уже ли я ступилъ уже на ея скользкую дорогу? Бѣдна же слава, если она такъ мало наполняетъ собою душу.

Моя душа не полна, одинока, занустила. Гдѣ высокое самосознаніе гения, какое долженъ онъ ощущать при взглядѣ на свои творенія? Гдѣ увѣренность въ силахъ на будущіе подвиги? *Армиды* мой, чѣмъ больше смотрю на него, представляется мнѣ какою-то пыткой ума, чѣмъ-то мозаическимъ, систематическимъ. Онъ не вылетѣлъ изъ груди моей, какъ вздохъ по небу, какъ привѣтъ любви вылетаетъ изъ груди человѣка! Міръ будущихъ созданій тѣснится передо мною; но какъ они ясны, темны, какъ мелки и ничтожны! Все чужое въ нихъ, все было сказано прежде меня. Что это? Крешки послѣ роскошной трапезы Шекспировъ и Гёте; въ нихъ одно усиліе: стараться не писать такъ, какъ писали они, великіе — вотъ все, до чего стараются теперь достигнуть умъ человѣка. И отъ чего быть ему самобытнымъ? Нашъ языкъ — монета, истертая употребленіемъ, обрѣзанная, вытравленная Жидами и мѣновщиками. Мы сами родимся холодно, систематически; мы плачемъ въ нашей колыбели, а не производимъ звуковъ гармоническихъ. Пчелы не летаютъ нынѣ на уста младенца-поэта съ своимъ медомъ: гдѣ отыскать имъ колыбель его въ нашихъ городахъ! Только любовь мог-

ла бы еще воспламенить поэта на созданія чудных... Но гдѣ искать ее?... О Генріэтта!

Бѣдный Вильгельмъ рассорился съ міромъ и со всѣмъ, что есть въ мірѣ, рассорившись съ самимъ собою.

— Но, не уже ли искать любви для вдохновеній и покупать вдохновеніе на любовь?

— Подарите ее мнѣ, и геній мой затрепещетъ крыльями отъ ея нежданнаго прикосновенія.

— Чѣмъ я виновата передъ тобою, Генріэтта? Не ты ли оболестила меня своею душею и заковала меня въ цѣпи? Мнѣ не разорвать ихъ!

— Но что такое говорила она?

Каждое слово Генріэтты старался онъ привасти себѣ на память, какъ ученикъ заданные уроки. Какъ взвѣшивалъ онъ ся каждое слово, какъ отыскивалъ онъ двоякій смыслъ въ каждомъ изъ нихъ...

— Мы не рождены понимать другъ друга, сказала она, и она боится, что половина моего бытія принадлежитъ Поэзіи. Ты хочешь одна владѣть мною? Да, это ревность, Генріэтта?... Могло ли такое чувство влѣдриться въ твою душу? Нѣтъ довѣренности, нѣтъ любви. Не уже ли и ты женщина...?

Что разумѣлъ Вильгельмъ подъ этимъ словомъ — не знаю; кажется, что-то оскорби-

тельное; но знают ли онъ женщины? Къ сожалѣнію, есть слова, которымъ люди придаютъ известное значеніе, хотя не объяснили еще для себя сихъ словъ, и употребляютъ ихъ столь неопредѣленно, что они похожи на рѣку, по которой плаваютъ все, что вамъ угодно. Все говорить: *женщина*, и не видятъ, что это слово гіероглифъ, многозначительнѣе Мемфисскаго скарабей.

— Я самъ не понимаю, чего хочетъ теперь душа моя! — воскликнулъ Вильгельмъ. — Пойду, вырву моего *Арииня* у людей, брошу его передъ Генріэттою, подамъ ей руку, уведу ее къ своей матери, и тамъ, зарабатывая хлѣбъ тяжкимъ трудомъ, топоромъ, лопатою, буду спрашивать ее каждый день: Генріэтта! довольна ли ты? Видишь: я не поэтъ больше; я каменщикъ, я мошу улицы, рублю дрова.

— И все погибнетъ, что хранилось здѣсь? — Онъ указалъ на грудь.

— Пойду къ ней, буду хладнокровенъ, буду разсуждать съ нею, докажу ей, какъ она несправедлива, вымѣняю ея душу на свою.

— Стало быть, сердце ничего не говоритъ ей! Стало быть, она ничтожная кукла, какъ все другія? Ей надобно растолковать, что такое значить любить, и потомъ съ титуломъ

почтеннаго, умнаго человѣка записаться въ ея счастливые супруги? А если бы я былъ тотъ же Вильгельмъ, только сумасшедшій: она съ ужасомъ убѣжала бы отъ меня! А если бы я разлюбилъ ее, терзалъ, вмѣсто награды за ея любовь, сдѣлалъ ее бѣдною невольницею своей страсти — она перестала бы любить меня!

— *Перестать любить!* Какъ глупо связываются иногда слова, и сколько земнаго въ языкѣ человѣческомъ, если мы можемъ выражать словами такіа отвратительныя нелѣпости: *перестать любить...*

— Ахъ! только вчера замѣтилъ я, какъ глупа и ничтожна мать ея! Какое корыстолюбіе обвѣстила она, услышавъ о ничтожныхъ выгодахъ, которыя доставилъ мнѣ *Арминій*. . . А вѣдь Генріэтта дочь ея?

— Боже! — воскликнулъ Вильгельмъ, складывая руки и поднимая глаза къ небу — простъ мнѣ тяжкій грѣхъ: я усомнился въ небесномъ происхожденіи моей Генріэтты; я забылъ, что это ангелъ души и сердца. . . Въ прахъ предъ нею все. . . полно размышлять. . . Генріэтта! я иду къ тебѣ, и на коленяхъ буду слушать, что ты мнѣ скажешь. . . Ты или погубишь меня, или воскресишь: я брошусь въ

міръ и погибну, забывая тебя, или уйду къ матери — плакать въѣсть съ нею... мать не отвергнетъ меня...

Но, мы не будемъ пересказывать всего, что передумалъ самъ съ собою Вильгельмъ: онъ былъ поэтъ, молодецъ, любилъ — проснулся такъ рано.

Время пролетало непримѣтно. Уже было довольно поздно. — Явились Вейссе и Шпейеръ, издатель городской литературной газеты, объявившій о будущемъ появленіи Арминія, и еще какое-то сухое, вытянутое созданіе.

— Рекомендуемъ вамъ, г-нъ Рейхенбахъ, г-па Федеръ-Фриссена, изыскателя древностей и почтеннаго археолога.

«Я радъ.

— Онъ имѣетъ къ вамъ большое дѣло.

«Ко мнѣ?

— Да, м. г., позвольте мнѣ отнестись къ вамъ съ покорною просьбою. Я составляю Словарь всѣхъ писателей нашего государства, и надѣюсь, что вы сообщите мнѣ вашу біографію, распишъ вашихъ сочиненій, если можно, экземпляры всего, что вы напечатали...

«Но, помилуйте, что я за важная особа, чтобы меня надобно включать въ Словарь вашъ?

— Мнѣ нѣтъ никакой надобности важенъ ли кто или нѣтъ; я собираю *имена* всѣхъ, кто хоть что-нибудь писалъ и печаталъ въ нашемъ отечествѣ, много ли, мало ли, худо ли, хорошо ли — все равно. Я не критикъ, я лексикографъ и библіографъ.

Мнѣ казалось бы, что въ Словарь вашъ надобно записывать что-нибудь замѣчательное.

— Это не мое дѣло. Пусть судятъ и разбираютъ другіе: я только собираю, и могу сказать, что мой трудъ въ этомъ отношеніи превзойдетъ все, что только подобнаго было предпринимаемо въ Германіи. Всѣ наши Словари такъ неполны; библіографіи у насъ почти нѣтъ. Въ послѣднемъ изданіи Словаря современныхъ писателей, издавнаго Дупельшнепомъ, пропущено однихъ нашихъ соотечественниковъ 32 человека!

Я не думалъ, чтобы столько всего набралось у насъ писателей.

— Какъ это можно! По моему счету, у насъ печатающихъ на сей годъ 394, и всѣ они въ прошломъ году напечатали круглымъ счетомъ 2986 $\frac{1}{2}$ листа, не считая обвертокъ.

А многое ли изъ этого доживетъ до потомства?

— Это слово: *истинство*, слишком неопредѣленно. Мы ищемъ только опредѣленнаго и положительнаго, м. г. —

»Что жъ послѣ этого?

— Исследование истины.

»Зеркала ея, хотите вы сказать, которое бросила она на землю, улетая въ небо, и которое мы находимъ кусочками.

— Прекрасная мысль! — Сухощавое твореніе выпяло книжечку и стало записывать.

»Что вы записываете, м. г.?

— Ваше остроумное слово: я, знаете, составляю маленькій Словарь остротъ и апофегмъ Нѣмецкихъ. Это все пригодится. Изъ трудовъ нашихъ составитъ потомъ Словари общіе изъ Словарей общихъ Исторіи, Географіи, Статистики. Другіе занимаются въ то же время извлеченіемъ выводовъ и таблицами вычислений; третьи основываютъ на этомъ философическіе выводы о духѣ, нравахъ народовъ, состояніи Философіи, наукъ, ходѣ Человѣчества.

»Не уже ли изъ этого?

— Да, м. г., и потому-то всего важнѣе точность и вѣрность первоначальной обдыки. Не выѣшиваясь въ отвлеченныя теоріи, я самъ сочинилъ нѣсколько таблицъ, которыя имѣлъ

удовольствіе видѣть въ Энциклопедіи Юхера и Кришца.

«Кажется, нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ Политической Экономіи, а другія къ Исторіи образованія Германіи?» важно спросилъ его Вейссе.

— Да, м. г. — Въ одной вычислилъ я количество масла, сжигаемаго у насъ въ фонаряхъ уличныхъ, и вывелъ расчетъ излишка противъ Парижа, руководствуясь таблицами г-на Шаброля; а потомъ, соображая по вычислениямъ Мейера, долготу дня и ночи въ разныхъ климатахъ, я сообразилъ, сколько, принимая известную степень свѣта и толщину свѣтильни, выйдетъ масла въ Миланъ, Генуу, Базель...

Вельгельмъ улыбнулся. Вейссе продолжалъ: «Помните, вы также привели въ таблицы успѣхи образованности въ разныхъ частяхъ Европы?

— Работалъ долго, да матеріаловъ нѣтъ, а такъ поверхностно считать, какъ Monsieur Дюпенъ, я не хочу. Нѣтъ! возьмите-ка мои таблицы печатанія книгъ въ Германіи: я исчислилъ и доказалъ положительно, что въ Мейнингенѣ выходитъ въ годъ по $3\frac{3}{8}$ печатныхъ листа на обитателя, и что если бы кто нибудь читалъ ежедневно въ теченіе 24 часовъ, про-

износя каждую секунду по одному слову, то могъ бы прочесть книги, объявленные на пасхальной Лейпцигской ярмаркѣ, въ 79 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 17 дней; даѣсь, даѣлая посылку къ жизни разныхъ званій, я доказалъ, что изъ числа книгъ, выходящихъ ежегодно въ Германіи, должно оставаться непрочитаанными $4892\frac{1}{2}$ книги — Хе! вотъ, м. г., вычеты — вотъ таблицы! *Числа правятъ міромъ*; Нѣтъ, нѣтъ! *словами* я не вѣрю — подавай мнѣ *цифры*.

«Это очень любопытно.

— Не просто любопытно, а чрезвычайно важно. Я, напримѣръ, доказалъ Вольфово предположеніе объ Омирѣ математически. Вопросъ: существовалъ ли Омиръ? Хорошо! Беру посылку по числу написавшаго славнѣйшими поэтами; рассчитываю восторгъ каждого по числу лѣтъ; даѣлаю вычетъ $+$ и $-$ — говорливости поэтической. Что же? Выходить, что написать Илиаду и Одиссею Омиру подобно было 272 года, 5 мѣсяцевъ и 6 дней. Ergo, c'est évident: *Омиръ не существовалъ*.

»Какъ? восторгъ поэта вы подвели подъ вычетъ математическій?

— Да вѣдь поэтъ человѣкъ? Онъ не можетъ болѣе того, что силы человѣка позволяютъ. Я сооб-